

**КРАСНАЯ СМЕРТЬ КАБАНКИНА:
СТАРООБРЯДЦЫ-СТРАННИКИ
И РУССКОЕ РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ**

Игорь Эдуардович Кузинер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
4 ул. Союза Печатников, Санкт-Петербург, Россия
ikuziner@hse.ru

Аннотация: В статье анализируется корпус газетных материалов, посвященных обвинению группы саратовских старообрядцев-странников в ритуальном убийстве, якобы произошедшем в конце 1911 г. С учетом контекста других громких дел о ритуальном убийстве того времени, Мултанского дела и дела Бейлиса, в работе рассматривается специфика обвинений в адрес представителей этнического большинства, к которому принадлежали подозреваемые русские странники. В центре внимания статьи находится дискурсивная трансформация границы большинства и меньшинств в условиях национализирующейся Российской империи рубежа XIX–XX вв., отразившаяся в материалах прессы. Для части публицистов, писавших о саратовских странниках, конфессиональный фактор в проведении границы «свой / чужой» оказался второстепенным по отношению к этническому. Происходит некоторая нормализация странников, которые мыслятся в первую очередь как русские, а уже во вторую как сектанты. По логике авторов, этническая принадлежность странников наделяла их определенным набором качеств, исключавших возможность совершить ритуальное убийство. Не ставя под сомнение гомогенизирующую логику современного дискурса об определении границ «свой / чужой» и «норма / девиация», автор приводит аргументы в пользу того, что эти границы даже в условиях национализирующейся империи были достаточно гибкими, чтобы ситуативно осуществлять нормализацию и инклюзию субъектов, находившихся за пределами условной нормы, и тем самым делать область нормы пластичным и подверженным постоянным изменениям пространством. Амбивалентное положение старообрядцев-странников как представителей доминирующей этнической группы и одновременно религиозного меньшинства, преломившееся в материалах прессы о происшествии в Саратове, заставило журналистов и читателей по-новому взглянуть на границы большинства и меньшинств и заново определить место религиозных маргиналов в этой системе.

Ключевые слова: ритуальное убийство, религиозные меньшинства, старообрядцы, странники, Российская империя.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-59-22006.

Для ссылки: Кузинер И. Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в позднеимперской России // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 60–87.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-60-87

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/kuziner.pdf>

**“THE RED DEATH” OF KABANKIN:
THE WANDERERS AND RUSSIAN RITUAL MURDER
IN LATE ROMANOV’S EMPIRE**

Igor Kuziner

National Research University Higher School of Economics
4 Soyuzna Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
ikuziner@hse.ru

Abstract: In this article I review the corpus of newspaper materials related to the purported involvement a group of Saratov Old Believers in a ritual murder, which allegedly took place in late 1911. Taking into account the context of other high-profile cases of ritual murder of that time—“Multan’s case” and “Baelis’ case”—the paper considers the specifics of the charges against the ethnic majority to which the suspected ethnic Russian wanderers belonged. The analysis focuses on the discursive transformation of the majority / minority boundaries under the conditions of the nationalizing Russian Empire at the turn of 19th–20th centuries, reflected in the press materials devoted to a specific episode. The religious factor in determining the boundary as “the Self / the Other” turned out to be non-essential—compared to the ethnic factor—when it comes to the Saratov wanderers. Thus, we find evidence for a certain normalization of the wanderers, who begin to be thought of as Russians first—and sectarians second. Their ethnicity, according to the logic of some of the publicists who describe them, endows them with a certain set of qualities—among them the impossibility of committing ritual murder. Without questioning the homogenizing logic of the modern discourse about defining the boundaries of “the Self / the Other” and “norm-deviation”, the article argues that these boundaries, even in the conditions of a nationalizing empire, appeared to be flexible enough to carry out the inclusion of subjects that were outside the conventional norm, thus making the normative area a plastic and constantly changing space. The ambivalent position of the Old Believers (representatives of a dominant ethnic group and, at the same time, a religious minority) was reflected in the press reports on the Saratov incident, forcing journalists and readers to take a fresh look at the limits of majority and minority, and to redefine the place of religious outcasts in this system.

Key words: ritual murder, religious minorities, Old Believers, wanderers, Russian Empire.

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 19-59-22006.

To cite: Kuziner I., 'Krasnaya smert Kabankina: starobryadtsy-stranniki i russkoe ritualnoe ubiystvo v pozdneimperijskoy Rossii' ["The Red Death" of Kabankin: The Wanderers and Russian Ritual Murder in Late Romanov's Empire], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 60–87.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-60-87

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/kuziner.pdf>

Игорь Кузинер

Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в позднеимперской России

В статье анализируется корпус газетных материалов, посвященных обвинению группы саратовских старообрядцев-странников в ритуальном убийстве, якобы произошедшем в конце 1911 г. С учетом контекста других громких дел о ритуальном убийстве того времени, Мултанского дела и дела Бейлиса, в работе рассматривается специфика обвинений в адрес представителей этнического большинства, к которому принадлежали подозреваемые русские странники. В центре внимания статьи находится дискурсивная трансформация границы большинства и меньшинств в условиях национализирующейся Российской империи рубежа XIX–XX вв., отразившаяся в материалах прессы. Для части публицистов, писавших о саратовских странниках, конфессиональный фактор в проведении границы «свой / чужой» оказался второстепенным по отношению к этническому. Происходит некоторая нормализация странников, которые мыслятся в первую очередь как русские, а уже во вторую как сектанты. По логике авторов, этническая принадлежность странников наделяла их определенным набором качеств, исключавших возможность совершить ритуальное убийство. Не ставя под сомнение гомогенизирующую логику современного дискурса об определении границ «свой / чужой» и «норма / девиация», автор приводит аргументы в пользу того, что эти границы даже в условиях национализирующейся империи были достаточно гибкими, чтобы ситуативно осуществлять нормализацию и инклюзию субъектов, находившихся за пределами условной нормы, и тем самым делать область нормы пластичным и подверженным постоянным изменениям пространством. Амбивалентное положение старообрядцев-странников как представителей доминирующей этнической группы и одновременно религиозного меньшинства, преломившееся в материалах прессы о происшествии в Саратове, заставило журналистов и читателей по-новому взглянуть на границы большинства и меньшинств и заново определить место религиозных маргиналов в этой системе.

Ключевые слова: ритуальное убийство, религиозные меньшинства, старообрядцы, странники, Российская империя.

Введение

Саратовский извозчик Иван Кабанкин исчез из своего дома в октябре 1911 г. На вопросы любопытствующих семья Кабанкиных — жена Дарья, сорокалетний сын Тимофей и невестка пропавшего — не уставали отвечать, что старик отправился на богомолье. Однако 18 ноября на пороге их дома на Большой Горской улице все же появился полицейский отряд. В результате продолжительного обыска во дворе дома под полом конюшни был обнаружен труп старика Кабанкина. Подозрение пало на домочадцев покойного, которые, как сообщалось, принадлежали к одному из старообрядческих толков странников-бегунов, по версии следствия, практиковавших ритуальные убийства — так называемый обряд красной смерти. Несмотря на то что обвинение в отношении Кабанкиных рассыпалось в течение суток, эпизод вызвал всплеск интереса в таблоидах далеко за пределами Саратова, став поводом к дискуссии о возможности ритуального убийства среди русских.

Игорь Эдуардович Кузинер

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
ikuziner@hse.ru

Основными источниками для этой работы стали газетные публикации, посвященные старообрядцам-странникам, собранные В.Д. Бонч-Бруевичем и доступные в архиве Государственного музея истории религии. Далее речь пойдет не о реальных странниках, довольно деятельных в этот период, а о дискурсах о странниках, которые имели крайне мало общего с настоящим странничеством, за исключением отдельных рассыпанных в материалах прессы деталей. И даже с учетом того, что некоторые детали приведены точно, практически любая попытка описать для читателя газеты быт странников быстро обнаруживает следы творческой работы журналиста. Такого рода материалы особенно ценны для моего исследования, т.к. представляют собой чистый опыт конструирования образа какой-либо группы извне (чаще всего людьми, не совсем знакомыми с ее бытом), который и является объектом анализа. Разумеется, не все издания, о материалах которых пойдет речь, можно охарактеризовать как бульварные. Газеты и журналы в диапазоне от кадетских «Биржевых ведомостей» до националистического «Южного края» мог волновать широкий спектр политических, экономических или иных вопросов, к решению которых журналисты подходили вполне профессионально и хладнокровно. Однако статьи и заметки о бегунах во многом отличались именно «таблоидностью» — эмоциональностью, упрощенностью аналитики, «сенсационностью» (об отличительных признаках таблоидов см.: [Örnebring, Jönsson 2004: 287]).

Марина Могильнер в работе «Прирожденный преступник в империи», посвященной поздней имперской психиатрии и различным видениям дифференциации норм и отклонений по этническому (и не только) признаку, помимо прочего описывает идеи российского и латвийского психиатра Э.М. Будула. В своей диссертации 1914 г. ученый предложил своеобразную сравнительную таксономию распространенности психических отклонений среди этнических групп империи. На высшей ступени, по версии Будула, находились нормативные русские, а на низшей — заведомо «расово неполноценные» евреи. Помимо этнических категорий Будула в своей таксономии уготовил место для русских сектантов, которые остановились в шаге от того, чтобы стать нормативными русскими [Могильнер 2017: 328–330]. В своей более ранней работе, посвященной истории российской физической антропологии, Могильнер также приводит умозаключения психиатра Ивана Сикорского, печально известного своей антисемитски окрашенной экспертизой по делу Бейлиса. Для Сикорского сектанты оказывались не просто девиантными русскими, а угрозой для «национального организма» [Могильнер 2008: 364–365]. Для моего исследования существенны эти таксономические взаимоотношения русских сектантов

и нормативных (читай — православных) русских, т.к. помогают воспроизвести контекст времени национализирующей империи, в которой гомогенный модерный дискурс этничности в попытке категоризации сталкивался с реальным имперским этническим, религиозным и социальным многообразием. Я смотрю на странников не глазами юристов или позднеимперских академических ученых, а глазами журналистов, которые в подавляющем большинстве находятся вне научного поля. Ниже будет показано, как дискурс о странниках как части конструирующейся русской нации работал в конкретной ситуации, как конфессиональные основания конструирования нации уступали место этническим и какие парадоксы рождали попытки категоризировать в формате «свой / чужой» тех, кто в этот формат вписывался с трудом. Таким образом, я предлагаю проблематизировать саму идею этноконфессиональности русской нации, в которой, в соответствии с имперским видением, быть по-настоящему русским значило быть прихожанином господствующей церкви [Kumar 2017: 273–276], а старообрядцы становились препятствием для проведения национальных границ по линиям русского православного большинства [Paert 2006: 96].

Странники

Истинно-православные христиане странствующие (странники, скрытники, также встречается пренебрежительное бегуны, подпольники) — одна из радикальных ветвей беспоповского старообрядчества, выделившаяся во второй половине XVIII в. из филипповского согласия. В основе идеологии странников — «учение о побеге», сформулированное в то же время беглым переяславским солдатом, будущим иноком Евфимием. В основе учения лежит идея о воцарившемся в результате никонианских реформ, и еще в большей степени церковных реформ Петра I, антихристе, единственный способ борьбы с которым — вечное бегство, образ жизни, подразумевающий невозможность оседлого существования. Необходимость взаимодействовать с внешним миром со временем привела к тому, что в среде странников стали допустимы два модуса прожития: *крещенные* (собственно странствующие) и *жиловые*. На плечи крещеных странников ложилась обязанность осуществлять духовную деятельность и выполнять жесткие требования догматически обусловленного номадизма. Жилые странники (*видовые, благодетели, странноприимцы*) могли вести вполне нормативный (с внешней точки зрения) образ жизни, отвечая за связь странников с внешним миром и создавая сеть своеобразных пристаней, где практикующие странники могли получить кров. Благодетели могли переходить в разряд крещеных, что зачас-

тую происходило на смертном одре или в пожилом возрасте. Инициированного умирающего, как правило, выносили из дома: тем самым начинался его формальный «побег», и он заканчивал жизнь, находясь в статусе крещеного странника [Пятницкий 1906: 129; Щапов 1906: 561], что, по-видимому, произошло и с Кабанкиным (о странниках см.: [Пятницкий 1906; Мальцев 1996; Дутчак 2007; Зеньковский 2009: 336–337]).

С конца XVIII в. странники распространились практически по всей центральной части империи, в Сибири и на Русском Севере, однако их существование оставалось незаметным для внешнего мира до своеобразного открытия в середине XIX в. В 1850 г. страннические общины были обнаружены в Ярославской губернии, что вызвало волну массовых арестов и судебных процессов [Мальцев 1996: 5], закрепивших за странниками образ наиболее опасной и «антигосударственной» ветви раскола.

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г., практически легализовавший остальные согласия и толки старообрядцев, мало повлиял на положение странников. Во-первых, сами странники отказывались от регистрации общин в соответствии с законодательством, считая указ «антихристовой ловушкой» [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 188. Л. 209об.]. Во-вторых, в рассматриваемый период в административных кругах не прекращались дебаты о существовании в среде странников «изуверных» обрядов¹. Доказанность «изуверства» привела бы к тому, что последователи странничества могли бы подвергаться уголовному преследованию по факту принадлежности к религиозному движению. Однако отсутствие однозначного решения по этому вопросу не мешало властям разных уровней преследовать странников за незаконные сборища, пропаганду против императора [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 112. Л. 4–6] и свращение в раскол [Там же. Л. 27–27об.]. Таким образом, на момент описываемых событий и формальной легализации статус странников не был четко сформулирован, а их собственная неготовность к контакту с государством приводила фактически к существованию в пространстве нелегальности.

Другие русские и другие православные

История о смерти Кабанкина может быть понята только с учетом контекста двух наиболее громких судебных историй об

¹ См. пример подобного бюрократического обсуждения, продолжавшегося с 1899 по 1908 г. и закончившегося резолюцией Министерства юстиции о недоказанности «изуверства» странников: [РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 592]. Однако даже в тексте этой резолюции допускалось применение к бегунам ст. 203 Уголовного уложения о принадлежности к «изуверному» учению в случае, если факт «изуверства» будет установлен [Там же. Л. 34–34об.].

обвинении в ритуальном убийстве в поздней Российской империи. Первый случай известен как Мултанское дело (1892–1896) — процесс над несколькими крестьянами-вотьяками Малмыжского уезда Вятской губернии [Geraci 2000], обвиненными в заклании русского крестьянина для принесения в жертву языческих богам. Второй — классический пример кровавого навета, так называемое дело Бейлиса (1911–1913), обвинение киевского мещанина Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве ученика подготовительного класса Киево-Софийского училища Андрея Ющинского [Weinberg 2013]. В обоих случаях под ударом оказывались представители национальных меньшинств, которые являлись воплощением образа коллективного Другого в контексте активно национализирующейся империи [Geraci 2000: 532]¹. Нет сомнений, что и Бейлис, и мултанцы логично укладываются в нарративную схему «символический суд над меньшинствами» в условиях, когда для модернизирующегося государства само присутствие Другого становится проблемой. Эти сюжеты неоднократно были описаны, в том числе в относительно недавних исследованиях [Geraci 2000; Панченко 2014; Mogilner 2017]. Однако одно дело, когда Другой более или менее узнаваем, черты его инаковости налицо. Но как быть, если его не выделить из толпы, если у него славянские черты лица, он говорит на русском и называет себя православным [Эткинд 1998: 4; Paert 2006: 79] — не перестает ли он быть Другим?

В этой работе я отталкиваюсь от утверждения, что этническое и конфессиональное положение странников делало их внешнее восприятие в формате бинарной оппозиции «свой / чужой» более сложным, чем это можно было бы представить себе, описывая группу религиозных маргиналов. Таким путем, в частности, пошел А.А. Панченко в работе, посвященной генеалогии обвинения религиозных меньшинств (в том числе старообрядцев) в ритуальном убийстве, фокусируясь на разновидностях наветов как логичном следствии положения Другого². В свою очередь, я показываю, что странники в специфических социально-политических условиях начала XX в. оказались в глазах внешних акторов в пространстве пересечения религиозного

¹ См. об историческом контексте национализирующейся Российской империи: [Kivelson, Suni 2016: 199–203], о национализации «сверху», на уровне символов и репрезентаций: [Wortman 2006: 245–409], о русификации и русификациях: [Miller 2008: 45–65].

² Кроме того, Панченко указывает, что «в религиозно-политических дискурсах Российской империи конца XIX — начала XX в. легенда о еврейском ритуальном убийстве оказалась куда более заметной и значимой, чем истории о кровавых ритуалах и оргиях у сектантов-экстатиков» [Панченко 2014: 233], что, по мнению автора, продолжалось до тех пор, пока антисектантский нарратив не был реанимирован советской антирелигиозной пропагандой. Я постараюсь заполнить этот временной пробел, используя материалы, посвященные конкретному эпизоду антисектантской кампании, относящейся к указанному Панченко периоду.

меньшинства и этнического большинства, что усложняло их внешнее восприятие и затрудняло бинарную категоризацию в форматах «большинство / меньшинство», «свой / чужой» и т.д.

Здесь следует также привести взгляд самих странников на их место на этноконфессиональной карте Российской империи. Существование у них какой бы то ни было этнической самоидентификации — вопрос открытый. В отличие от старообрядцев других традиций, значительно чаще оказывавшихся в ситуации межэтнического взаимодействия (благодаря жизни на периферии и за границами империи или в результате профессиональных контактов)¹, странники были практически лишены возможности этнически самоидентифицироваться в диалоге с «чужаком». В то же время на страницах прессы, как показано ниже, не высказывались сомнения в том, что странники — русские. Кроме того, даже при условии, что доля нерусскоязычных старообрядцев вообще, как правило, была крайне мала [Paert 2006: 90] (об старообрядческих общинах тихвинских карел и коми см.: [Фишман 2003; Власова 2010]), в случае странников, за исключением малых и удаленных общин удорских коми [Прокуратова 2010], можно говорить о почти однородно русском этническом составе.

Конфессиональная самоидентификация странников при этом выглядит вполне определенной: причин сомневаться в собственной православности у них не было. Подобное, например, видно из страннической саморепрезентации в рукописи «Объяснение кто такие странники»: «[Н]ас сущих истинно-православных христиан царизм гонит и ссылает на поселение и в тюрьмы сажает и не дает нам полную свободу вероисповедания и не дал нам называться истинно православными христианами, а налагал разные наименования раскольника, сектанта и старообрядца» [ОР БАН. Каргопольское собрание. Ед. хр. 255. Л. 1–1об.]). Православность, понимаемая как каноническая преемственность по отношению к первым христианам, также была одним из важнейших нарративов собственной страннической историографии (см., например, рукопись «Краткий очерк истории церкви»: [ОРКиР НБ МГУ. Верхокамское собрание. Ед. хр. 1974]). Кроме того, старообрядцев других традиций и странников едва ли роднит что-то кроме частично общей

¹ Литература о внешнем представлении о русскости / нерусскости старообрядцев других толков и согласий не дает однозначного ответа на вопрос о существовании единого восприятия их этничности. В зависимости от географической или исторической ситуации старообрядцы могли восприниматься как оплот русскости в «нерусском» крае [Горизонтов 1998; Васильева 2014] или зачисляться в «кинородцы» [Znamenski 2007]. В любом случае работы, посвященные вопросам русскости / нерусскости старообрядцев, не фокусировались на странниках, существовавших фактически в нелегальном режиме и денормализованных внешними представлениями об их радикальности и «изуверстве».

генеалогии, восходящей к неприятию никонианских церковных реформ середины XVII в. Как сами странники не считали себя частью старообрядческого мира, возводя свои корни к первым христианам, так и государство явно выделяло их среди других староверов, что нашло отражение в правоприменительной практике после 1905 г.

Притом что отношения странников с государством оказывались организованы принципиально иначе, чем у их русскоязычных соседей-никониан (хотя бы исходя из нежелания странников взаимодействовать с властями), а их «православность» не признавалась никем за пределами их малочисленных общин, необходимо иметь в виду, что речь идет о группе людей, которые говорили (и активно писали) по-русски и называли себя православными.

Происшествие на Большой Горской

19 ноября 1911 г. «Саратовский вестник» опубликовал короткую заметку, посвященную тому, что при обыске на Большой Горской улице во дворе дома извозчиков Кабанкиных найден труп главы семейства 60-летнего (по другим данным 65-летнего) Ивана Кабанкина. В убийстве, по сообщению «Вестника», подозревался сын покойного — сорокалетний Тимофей Иванович. Также в материале были приведены доводы в пользу того, что убийство носило ритуальный характер, т.е. имела место так называемая красная смерть, обычай «богоугодного» удушения, приписываемый старообрядцам-странникам, к которым принадлежали Кабанкины [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 1]. Уже на следующий день следствие завершилось — патологоанатом не обнаружил признаков насильственной смерти Кабанкина [К секте душителей 1911]. Однако волна газетных материалов, вызванная обнаружением трупа, быстро распространилась за пределы Саратова, обрастая новыми подробностями и домыслами.

Либеральная петербургская газета «Биржевые ведомости» 22 ноября, описывая открытие саратовской полиции, в статье «Секта душителей» высказывала доводы в пользу существования в поволжском городе целой секты «подпольников», «уродливого осколка известных бегунов». Журналисты газеты, по-видимому, творчески подошли к пересказу этой истории, и на страницах издания Тимофей Кабанкин предстал уже в качестве главы секты. «Биржевые ведомости» сообщили, что по обычаям секты желающий спасти душу не может жить дольше 60 лет: по истечении этого возраста верующему надлежит быть задушенным единоверцами под пение псалмов и чтение молитв. В статье также упоминалось, что, до того как труп Кабанкина был

найден, родственники говорили, что старик не пропал, а отправился на богомолье в Керженские леса [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 1–2]. Мотив Керженца в разных видах будет встречаться еще в нескольких публикациях, что, кажется, является симптомом творческой обработки исходной истории¹. Скиты старообрядцев в Керженских лесах никогда не были напрямую связаны со странниками, будучи пространством духовной жизни представителей других согласий и толков. Тем не менее благодаря художественным произведениям Павла Мельникова-Печерского [Мельников 1986], в качестве чиновника участвовавшего в разорении скитов в середине XIX в., Керженец как маркер раскола оказался прочно впечатан в общественный дискурс о негосударственном православии.

В тот же день история появилась в либеральной газете «Речь» в рубрике «Разные известия» [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 3]. В этой публикации секта душителей предстает уже как грозная сила, а старик Кабанкин оказывается лишь одной из многих ее жертв. Кроме того, в «Речи», вопреки первоначальному сообщению, говорится, что после пропажи главы семейства Кабанкины обращались с заявлением в полицию (впрочем, это для странников не редкость) [Мальцев 1996: 187]. В статье пересказаны уже неоднократно приведенные другими изданиями домыслы относительно удушения старика подушкой, однако в версии «Речи» Тимофей Кабанкин сознался в убийстве отца. Здесь же упоминается признание Дарьи Кабанкиной, жены Ивана и матери Тимофея, в том, что их семья принадлежала к поморскому согласию, однако 15 лет назад погибший извозчик привез «бегунскую» веру из поездки на Керженец.

История с Керженцом в какой-то момент приобретает автономность, а 23 ноября «Астраханский листок» и вовсе приводит прямую речь Дарьи Кабанкиной об уходе Ивана «на моленье к Керженцу к святому граду земли Керженской» [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 4]. Также в «Листке» упоминаются детали происшествия, не описанные больше ни в одной из публикаций: точное место тайников и молельни скрытников во дворе Кабанкиных, образ жизни семьи и даже то, что за два года до происшествия их дворовая собака откусила нос главе семейства. «Листок» вслед за остальными изданиями рисует картину серьезной подпольной организации. Так, сообщается, что в доме извозчиков собиралось до 18 человек, а также имелось на восемь застеленных кроватей больше, чем нужно членам

¹ Доводом в пользу этого может служить и то, что похожая история про ушедшего на богомолье (а «в действительности» убитого) странника приведена в «Самоистреблении» Пругавина, к которому журналисты могли обращаться в связи с нехваткой информации о реальных Кабанкиных [Пругавин 1885: 145].

семьи. Журналист «Листка» со знанием дела указывал на то, что секта душителей, или красносмертников, — направление подпольников, которые, в свою очередь, являются течением в толке бегунов.

Разумеется, такая генеалогия не имела с реальностью ничего общего. Подобные категории несли следы синодальных классификаций «раскольничьих» движений, которые, с одной стороны, были мало релевантными для описания мира негосударственного православия, находящегося в постоянном догматическом развитии, а с другой — призваны были продемонстрировать абсурдность бесконечных староверческих дроблений.

Вышедший 25 ноября «Саратовский листок» осуждал «Саратовский вестник» за использование подобной терминологии, указывая, что тяжкие обвинения в адрес Кабанкиных являются неосторожными и преждевременными [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 5]. В «Листке» были приведены в качестве экспертных полярные мнения двух миссионеров — Шишева и Луканина. Первый сообщал, что жертвами странников могут быть не только старики, но и дети. Причем детская кровь, согласно Шишеву, может использоваться для причащения, что было уже прямым цитированием нарратива о кровавом навете. Луканин же, напротив, указывал, что сведения о людоедстве и изуверстве странников не подтверждаются и являются плодом фантазии фельетонистов [Там же. Л. 5об.].

Красная смерть

Ритуальное убийство может определяться как жертвенное заклание животного или человека, совершенное по определенной причине [Dundes 1991: VII]. Ритуал красной смерти, приписываемый бегунам, жертвой которого якобы стал саратовский извозчик, технически имеет мало общего с ритуальным убийством и, в частности, с его самой печально известной разновидностью — сюжетом о кровавом навете. Легенды о красной смерти сходятся в основном в следующем описании ритуала. Группа странников набрасывается на обреченного единоверца (обычно уже находящегося на смертном одре) с подушками и одеялами (часто упоминаются постельные принадлежности красного цвета) с целью удушения. Иногда речь идет о призываемом для этой цели специалисте — «душиле». Цель ритуала — убийство, как правило пожилого, члена общины, что якобы позволяет последнему отойти в мир иной в статусе мученика [Пругавин 1885: 146]. Соответственно речь не идет о жертвоприношении — центральном элементе сюжета о ритуальном убийстве, если, конечно, не истолковывать добровольную смерть как принесение в жертву собственного тела, обеспечи-

вающее определенные выгоды в загробной жизни. Тем не менее и в случае мултанцев, и в случае Бейлиса, и в случае Кабанкина сам феномен ритуального убийства означает для тех, кто воображает его извне, нечто совершенно чуждое и противное современности, своего рода девиацию. Именно такое понимание, а не соответствие формальным критериям определений и становится общим для всех трех эпизодов.

Практика тайных похорон, распространенная у странников, стала благодатной почвой для слухов о возможных ритуальных убийствах, совершаемых ими. Сообщения о похожих эпизодах появлялись с самого открытия странников в середине XIX в., однако сюжет о красной смерти, видимо, имел более позднее происхождение. До конца XIX в. упоминания о возможном бытовании красной смерти среди странников в синодальной или этнографической литературе носят спорадический характер. Два крупнейших синодальных расколоведа середины XIX в. Николай Субботин и Иван Липранди при общем скепсисе относительно «раскольнических» движений не упоминали о практиках ритуальных убийств в среде странников [Субботин 1868; Липранди 1870]. В серии объемных публикаций в «Вестнике Европы» А.И. Розов, публицист, также скептически настроенный по отношению к несинадальному православию, среди множества обвинений в адрес бегунов не приводил сведений о таких ритуалах, сосредоточившись в основном на беспорядочных сексуальных отношениях и бытовых (по-видимому) убийствах [Розов 1873: 293]. В весьма критической энциклопедической статье о странниках в словаре Брокгауза и Ефрона 1901 г. среди множества «преступлений» бегунов также не названы ритуальные убийства [Брокгауз, Ефрон 1901: 724]. Расколовед, профессор богословия Николай Ивановский в работе, изданной в 1901 г. по материалам его лекций в казанском миссионерском «Братстве святителя Гурия», приводил как минимум один обвинительный приговор по делу о подобном убийстве в отношении бегунов в 1880-х гг. [Ивановский 1901: 93]. При этом Ивановский настаивал на недоказанности обвинений, большинство из которых основывалось на слухах, так никогда и не подтвержденных [Там же: 94–95]. Автор хрестоматийных работ по истории и быту странников И.К. Пятницкий также придерживался мнения, что доказательства существования у них мрачной практики «душительства» отсутствуют [Пятницкий 1906: 160–161].

В отличие от синодальных, часть академических этнографов допускала существование красной смерти среди бегунов. Александр Пругавин, крупнейший религиовед-народник, в работе «Самоистребление», посвященной различным проявлениям религиозного фанатизма в среде староверов, упоминал о газетной статье 1883 г. «Голбечники», где описан случай красной

смерти в Иванове Владимирской губернии. Пругавин возлагает ответственность за подлинность событий на автора рассказа, характеризуя его как «серьезного человека» [Пругавин 1885: 146]. В «Этнографическом обозрении» в 1904 г. в подрубке «Этнологический вопрос» вышла небольшая заметка ««Душила» у русских раскольников», автор которой этнограф Владимир Богданов, описывая свое путешествие в район Кинешмы, приводил сведения о существовании секты «голубишников»¹. В обычаи этой секты якобы входило убийство стариков, исполнявшееся профессионалом-душилой. Автор выдвинул гипотезу о возможной «этнологической» связи «русского культа смерти» с похожими практиками ритуального удушения в Индии через «среду наших еще малоисследованных инородцев» [Вл. Б. 1904]. В ответном материале в качестве эксперта выступил видный российский этнограф Д.К. Зеленин. Повествуя об известных ему слухах, он утверждал, что среди бегунов этот ритуал действительно распространен. При этом Зеленин со знанием дела писал, что красная подушка как орудие убийства является, скорее всего, фольклорной деталью [Зеленин 1904].

Что касается информации о следственных делах, в которых странников обвиняли в осуществлении изуверского ритуала, то похожие сюжеты встречались в начале 1880-х гг. в Невьянском заводе (Екатеринбургский уезд Пермской губернии), где на скамье подсудимых оказались несколько местных жителей, в том числе будущий первоиерарх странников Александр (в то время Павел) Рябинин. В центре внимания следствия было исчезновение местной крестьянки Кузнецовой, якобы убитой невянянскими странниками². Несмотря на заявление обвиняемых, что Кузнецова уехала на лечение, судья счел убийство доказанным, приговорив их к разным срокам каторги [Хроника 1882]. В 1897 г. следствие об обнаруженных страннических захоронениях в нескольких деревнях Каргопольского уезда Олонецкой губернии, несмотря на то что следователи полагали само существование ритуальных убийств в среде странников вполне доказанным (хотя и не называли их красной смертью), также быстро пришло к выводу о ненасильственном характере смерти погребенных [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 510. Л. 35–36об.]. В том же году в Шуе на скамье подсудимых по обвинению в ритуальном убийстве оказались еще двое крестьян-странников (на этот раз словосочетание «красная смерть» все-таки про-

¹ Автор, видимо, ошибся, назвав бегунов, которых могли именовать «голбешниками», «голубишниками» и спутав этимологический корень слова — «голбец» (надгробный памятник в форме избы, встречающийся на крестах староверов) и «голубь». По-видимому, по логике автора, «голубишники» оказались таким образом связаны с хлыстами или скопцами через распространенную у последних «голубиную» символику.

² В материале газеты не шла речь о совершении ритуального убийства.

звучало в стенах суда). Однако стараниями адвоката, в будущем известного политического деятеля Василия Маклакова странники были оправданы [Кабанов 2010: 192–194]. В 1912 г. странники также стали фигурантами уголовного дела о ритуальном убийстве в Казанской губернии, но были оправданы за отсутствием состава преступления [ГАРФ. Ф. 121. Оп. 51. Д. 814]. Сюжет о красной смерти не умер со старым режимом, оказавшись в поле зрения советских юристов после 1917 г. Причем на этот раз один из высокопоставленных чиновников Наркомюста эксперт по вопросам церкви В.А. Шумов, на стол которому в 1924 г. попало донесение о якобы имевшем место ритуале красной смерти в Иваново-Вознесенске, выразил скепсис относительно самой идеи существования этой практики, прямо сравнив слухи о ней с кровавым наветом [ГАРФ. Ф. А353. Оп. 7. Д. 9. Л. 34–35].

Что касается времени описываемых событий, то в 1911 г. сюжет о красной смерти все же оставался на границе слуха и «доказанного факта». Газетные публикации о странниках, собранные В.Д. Бонч-Бруевичем, о которых пойдет речь ниже, до 1911 г. вовсе не содержат упоминаний ритуальных убийств, притом что начиная с саратовского происшествия в прессе наблюдается резкое увеличение числа материалов, посвященных практике «душителства».

Красная смерть (какой она предстает в описании) принципиально отличается от иных мрачных практик, связываемых в социальном воображении со старообрядчеством, в частности от гарей и других способов коллективных и индивидуальных самоубийств. Во-первых, воображаемая извне красная смерть представляется явлением не окказиональным, а систематическим, обязательной практикой, без осуществления которой странник якобы не может достичь желаемого посмертного статуса. Гарь, хоть и не всегда, жест человека, загнанного в угол, однако является способом диалога с кем-то вовне, реакцией на ту или иную попытку интервенции со стороны внешнего мира (о гарях см.: [Романова 2012]). Красная смерть в таком разрезе предстает, напротив, практикой монологичной. Во-вторых, массовое самоубийство в среде странников — явление почти небывалое. На момент описываемых событий известен лишь один такой случай, связанный со странниками, — самосожжение пятнадцати скрытников в 1860 г. в Волосовском приходе Каргопольского уезда [Островский 1900]. В-третьих, если старообрядческие самосожжения — доказанное и описанное историческое явление, то красная смерть — это, разумеется, продукт внешнего творчества, один из элементов конструирования образа странников синодальными миссионерами, этнографами или падкими на сенсации журналистами.

Нечто чудовищное, кровавое и бесчеловечное

Страннические общины или захоронения обнаруживались и до происшествия в Саратове [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 1], однако «открытие» саратовских бегунов вызвало волну подобных разоблачений сектантов по всей стране. Кажется, что представители «секты душителей» настолько распространились по империи, что опасность могла подстергать читателя газеты за каждым углом. «Уфимский вестник» 14 декабря 1911 г. в статье «Красносмертники» рассказывал об активности «секты» в тюрьме в окрестностях Горного Зерентуя, где некий Никандр Тураев в собственной камере задушил девять человек и в суматохе при обыске сбежал. Материал заканчивался предположением, что последователи «батюшки Никандра» еще скрываются за Уралом [Там же. Л. 6–6об.]. Консервативный харьковский «Южный край» 20 декабря того же года в статье «Зиг Заги» развивал слух о чудовищной секте душителей, якобы известной со времен Анны Иоанновны, а теперь возродившейся «с какой-то особенной силой» [Там же. Л. 6об.]. В броской манере, используя яркие пугающие подзаголовки, журналист «Южного края» описывает секту как нечто «чудовищное, кровавое и бесчеловечное», называя главными ее «основаниями» убийства стариков и детей. И то и другое якобы практикуется с целью избавить мир от страданий: увядания в случае стариков и мучений предстоящей жизни в случае детей. Таким образом, если верить автору, сектанты мечтают «уничтожить все человечество». В материале говорится, что случаи обнаружения трупов стариков и старух в Саратовской губернии не единичны, что шайки душителей, возможно, связанных с сектантами, орудуют по всей стране [Там же]. Казанский корреспондент петербургского «Русского знамени» и вовсе решился на журналистское расследование с целью раскрыть группу сектантов в пригородном районе Казани и вместе с приставом пробрался в их «тайное логово». В результате расследования и опросов бывших членов «секты душителей» корреспонденту под псевдонимом Селянин удалось установить, что «душители» действительно существуют, но душат лишь единоверцев, уже находящихся при смерти [Там же. Л. 8–8об.]. Далее в течение нескольких месяцев странники «объявлялись» в Шуе (Владимирская губерния), алтайском Бийске, Оханске (Пермская губерния), Елесино (Череповецкая губерния), в Сарапуле и снова в Казани [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 50. Л. 7–8об.].

Трудно оценить масштаб антисектантской истерии, которая могла быть вызвана подобными публикациями. Тот факт, что уже через несколько месяцев она сошла на нет, а пресса нашла новые темы для материалов, возможно, говорит о том, что страх перед крупной подпольной организацией душителей

не вызвал отклика в сердцах читателей. Тем не менее то, как красносмертников изображали на страницах вышеупомянутой периодики, делает их настоящим олицетворением Другого по отношению к потребителям газет, читающей городской публике. В материалах, посвященных душителям, авторы не единожды проводят параллели с якобы существующими сектами душителей в других культурах, главным образом в Индии¹. Говоря о распространенных среди раскольников пугающих ритуалах, Пругавин пишет, что «известно, как часто на почве разумной религии возникают крайне уродливые уклонения», а примером подобных отклонений на российской почве называет ритуалы «некоторых мистических сект Раскола» [Пругавин 1885: 130–131].

Лейтмотив этой категории публикаций — открытие бегунов (вместе с их пугающими ритуалами) и обнаружение того, как много тайн скрывает в себе «народная жизнь». Бегуны — русские (сомнений в этом не высказывал ни один из авторов), значит открытие этих ужасных практик — это открытие девиации в самом себе. Так кто же такие бегуны? Часть коллективного Я или таинственный Другой? Можно было бы вслед за Александром Эткиндоном остановиться на простой генерализации: пространства обитания Другого в России — раскол и сектантство [Эткинд 1998: 3–4]. Таким образом, ритуальные убийства или убийства на религиозной почве, дикие и немислимые для модернизирующегося общества в начале XX в., выглядят понятным маркером Другого. Не споря с последним утверждением, я тем не менее настаиваю на том, что границы коллективного Я могли оказываться нечетко очерченными, а включаемый в них Другой мог быть нормализован — очищен наблюдателем от наиболее вопиющих маркеров инаковости и представлен приемлемым представителем большинства, о чем будет рассказано ниже.

«Клевета на русских людей» и нормализация странников

Эта работа началась с двух газетных публикаций, обнаруженных в архиве В.Д. Бонч-Бруевича в Государственном музее истории религии. Этнограф, религиовед и большевистский политический деятель собрал множество материалов, посвященных различным религиозным направлениям, в том числе газетные вырезки. Часть собранных вырезок была посвящена «делу Кабанкиных». Материалы, о которых пойдет речь в этом разделе,

¹ В том, что прямой связи между русскими странниками и «экзотическими» ритуальными практиками нет, сходились все, кто в связи с первыми упоминал о последних [Пругавин 1885: 130–131; ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 10–11].

вышли из-под пера носителей противоположных политических взглядов, что не помешало их авторам прийти к одинаковым выводам о невозможности существования ритуального убийства среди русских. Речь идет о колонке самого Бонч-Бруевича в газете «Столичная копейка» и статье черносотенного автора А. Кромова в «Полтавских ведомостях». Параллельные прямые, видимо, пересеклись где-то на Большой Горской улице, т.к. идеологические оппоненты, говоря на разных языках, постулировали одну и ту же мысль: странники Кабанкины и их единоверцы не уроженцы экзотических стран, не чудовищные души-тели и кровопийцы, которые бродят среди порядочных граждан, они пусть и своеобразная, но часть своего народа и хотя бы по этой причине не способны на ритуальное убийство.

В комментарии для «Столичной копейки» Бонч-Бруевич пишет, что толки о «красносмертниках» и «душителях» были известны и ранее, однако нет никаких документально подтвержденных данных, которые говорили бы о том, что эти слухи реальны. Он допускает существование странников, а также то, что Кабанкины являлись таковыми и что старик-извозчик, возможно, действительно был убит (без религиозного умысла). Тайные похороны, утверждает автор, подобные похоронам Кабанкина, совершаются в России «ежедневно в десятках и сотнях мест». Скрытность же странников, по версии Бонч-Бруевича, вызвана неверием в существование в России «одного из проявлений политической свободы — свободы Совести». Бонч-Бруевич заключает: «[Я] решительно не представляю возможности существования в России, среди русского народа, ритуальные убийства¹. Этого не может быть» [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Л. 10–11].

Таким образом, на страницах «Столичной копейки» Бонч-Бруевич совершает инклюзию двух видов. Во-первых, характеризуя странников, он говорит о «русском народе» в целом, а не о группе религиозных маргиналов и таким образом нормализует бегунов через этнизацию. Странники не могут быть души-телями не в силу догматики своего толка, а в силу того, что ритуальные убийства среди русского народа в принципе невозможны. Кроме того, тот образ жизни, который ведут странники, — вынужденный. Они скрываются, руководствуясь не теологическими предписаниями, а потому, что государство не оставляет им легального пространства для существования. Таким образом, Бонч-Бруевич включает их в более широкий контекст политической борьбы, где странники — лишь частный случай сопротивления «угнетенных». Владимир Дмитриевич,

¹ Сохранена орфография источника.

следуя традиции народнических и не только расколоведов¹, пытаюсь разглядеть в несинадальном православии черты политического протеста, и раньше, в материалах, посвященных бегунам, подчеркивал карандашом упоминания о враждебности последнего государству [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 50. Л. 2]. Так стирается грань между большинством и меньшинством, по крайней мере для Бонч-Бруевича. Религиозное меньшинство оказывается частью большинства этнического, приобретая качество последнего — неспособность совершить ритуальное убийство.

9 декабря 1911 г. в «Полтавских ведомостях» вышла статья за авторством А. Кромова под заголовком «Темные люди и просвещенные клеветники»². В ней автор, русский националист и антисемит, предлагает собственную интерпретацию обвинений в адрес Кабанкиных и странников в целом. Пересказав эпизоды обнаружения трупа на Большой Горской и заключение экспертизы, признавшей смерть извозчика естественной, Кромов переходит к обвинениям в адрес «еврейской печати», начавшей кампанию по дискредитации странников и приписывавшей им ритуальные убийства. К «еврейской печати» автор относит либеральные издания вроде «Биржевых ведомостей» и «Речи», а также их «провинциальные подголоски». По мнению Кромова, у этой кампании были конкретные причины. Фрагмент его умозаключений достоин того, чтобы быть процитированным полностью.

Дело Ющинского еще не заглохло, на защиту евреев выступили кадетские профессора и ученые, в провинциальной прессе их реабилитирует один из Петрункевичей, к тому же готовится сам Милюков, собирающийся на гастроли в провинцию. Не сегодня завтра около памяти несчастной жертвы еврейского злодеяния произойдет решительный бой, и многочисленные и многообразные защитники евреев бросят нам в лицо существование изуверских сект у нас русских. Они скажут: какое вы имеете нравственное право обвинять евреев в том, в чем повинны сами, повинен ваш народ. Но евреи и их защитники, называя подпольников душителями, лгут и клеветуют. Несчастных сара-

¹ Попытки разглядеть в староверах низовое социально-политическое движение, чтобы на основании наблюдения над ним сделать выводы обо всех русских, датируются с первой половины XIX в., когда прусский чиновник Август фон Гакстаузен в своих сочинениях по мотивам путешествий по российской глубинке одним из первых указал на старообрядцев как на носителей некоего политического потенциала, который мог бы находиться в противоречии с романовским государством [von Haxthausen 1856]. Центральной фигурой этой историографической традиции был Афанасий Щапов, который прямо интерпретировал странничество как протест против закрепощения крестьян и усиления государственного контроля над ними в XVIII в. [Щапов 1906: 505–580].

² В подшивке Бонч-Бруевича статья датирована 9 декабря 1912 г., что, скорее всего, опечатка, т.к. из текста следует, что материал написан «по горячим следам» саратовского происшествия, и сомнительно, что статья могла быть опубликована через год после смерти Кабанкина.

товских сектантов можно обвинять в чем угодно только не в душегубстве. <...> С государственной точки зрения, с точки зрения порядка, подпольники несомненно преступная секта и как таковая подлежит преследованию. Однако в ее полутора-вековой истории нет ни одного кровавого преступления, за которое она могла бы быть названа сектой душителей¹ [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 50. Л. 9–9об.].

Точка зрения Кромова, в отличие от риторики Бонч-Бруевича, выглядит оригинальной для своей идеологической среды. Русский национализм, наследующий в той или иной степени славянофильству, с трудом мыслится в отрыве от синодального православия. Хотя славянофилы и могли находиться в идеологическом диалоге с представителями тех или иных направлений старой веры [Зеньковский 2009: 485, 492–494]², Иван Аксаков, бывший членом комиссии по расследованию деятельности странников в 1850-е гг., отзывался о последних с отвращением [Аксаков 1994: 170–171] (о славянофильском взгляде на раскол как препятствие для формирования соборной православной русской нации см.: [Dunn 1966]). Кроме того, приведенный выше материал черносотенной газеты «Южный край» оказывается едва ли не самым резким среди газетных материалов о «деле Кабанкина».

Однако позиция Кромова имеет рациональные основания. Тень дела Бейлиса здесь выступает как дополнительный фактор инклюзии, делающий выкристаллизовывающуюся в головах современных националистов идею русской нации более пластичной. Да, эта русская нация мыслится однородной, но ее границы проницаемы для всех русских, в том числе для «девиантных», особенно в условиях, когда этим «девиантным» русским требуется защита. Автор призывает русских (всех русских) объединиться перед лицом врага, убившего православного мальчика в Киеве и обвиняющего в том же русских бегунов в Саратове. Кромов заканчивает аналогией, призванной убедить читателя в невинности странников: «Старик сектант Кабанкин ушел из дома вроде того, как отправился “странствовать” Л. Толстой, хотя, конечно, мотивы у них были совершенно *различные*. Отпадают поэтому все толки об “изуверстве” и прибавляется лишь одна клевета на русских людей» [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 50. Л. 9об.]. Таким образом, и для Бонч-Бруевича, и для Кромова красная смерть среди русских невозможна по опреде-

¹ Сохранены орфография и пунктуация источника.

² Известны также положительные высказывания и даже некоторая деятельность в защиту старообрядчества известного национал-консерватора М.Ф. Каткова. Правда, эта деятельность была направлена в большей степени на старообрядцев, находившихся в этнически нерусском окружении [Лебедева 2019: 142–143].

лению, а для последнего ритуальное убийство как девиация оказывается присуща только заведомо расово или культурно чуждому субъекту (в правдивости обвинений против Бейлиса он не сомневается). Кроме того, стоит еще раз отметить, что дискурс о невиновных русских бегунах ложится как бы поперек политической системы координат, так что представители полярных политических сил приходят к схожим выводам.

Можно упомянуть еще одну непосредственно не связанную с Кабанкиным попытку нормализации странников, предпринятую прокурором Казанской судебной палаты Владимиром Александровичем Бальцем в рапорте на имя министра юстиции Милютина в том же 1912 г. [ГАРФ. Ф. 121. Оп. 51. Д. 814. Л. 1–8об.]. Бальц, расследовавший дело о якобы имевшем место эпизоде красной смерти в Казанской губернии и, как и многие его предшественники, убедившийся в несостоятельности легенды о ритуальном убийстве, составил рапорт с целью поставить вопрос о прекращении преследования странников, учитывая недоказанность существования «изуверских обрядов в их среде». Кроме того, прокурор приводит доводы, что странники в принципе не являются последовательными антигосударственниками, что видовые верующие настроены вполне законопослушно, служат в армии и не были замечены в революционных погромах 1905–1906 гг. Далее Бальц прямо говорит, что странники являются своего рода монархистами и молятся хоть и не за императора, но за то, чтобы император вернулся «к древнему благочестию» [Там же. Л. 5]. Можно было бы предположить, что прокурор озабочен вопросами веротерпимости в принципе, если бы не тот факт, что Владимир Александрович за два года до этого принимал самое активное участие в уголовном преследовании ваисовцев, представителей радикального религиозно-политического движения поволжских мусульман, существовавшего в регионе с 1860-х до 1920-х гг. [Там же. Л. 7] (о ваисовцах см.: [Усманова 2006]). Таким образом, Бальц выделяет именно странников, противопоставляя их «настоящим антигосударственникам» ваисовцам (как Кромов противопоставляет странников «настоящему убийце» Бейлису), нормализуя первых, отвергая всякие доводы о существовании ритуального убийства и настаивая на том, что идеология и обрядность бегунов, хоть и выглядят со стороны пугающими, в действительности далеки от изуверства.

Таким образом, среди множества газетных материалов, демонизирующих странников, раздаются три голоса (два на страницах печати и один в виде рапорта чиновника) носителей трех современных логик (социалиста, этнонационалиста и юриста-бюрократа), идеологически далеких, но сходных в своих интенциях людей, для которых странники оказываются своими. Они

нормализованы и включены в пространство большинства через этнизацию (Бонч-Бруевич и Кромов) или через противоположно направленные политические атрибуции — революционную (Бонч-Бруевич) и монархическую (Бальц).

Заключение. Странники и границы нормы

Мы привыкли рассматривать контекст национализирующей Российской империи как особый режим трансформации структуры взаимоотношений большинства и меньшинств. В таких условиях мултанские вотяки или киевский еврей, оказавшиеся на скамье подсудимых, становятся олицетворением меньшинств, которые должны быть ассимилированы или аккультурированы в случае вотяков либо полностью исключены в случае Бейлиса [Mogilner 2017: 142]. Настоящая работа является попыткой продемонстрировать, что происходит, если в жернова гомогенизирующего дискурса попадают те, чья принадлежность к большинству / меньшинствам, группе «своих / чужих» не столь очевидна. В таком контексте невозможности однозначной бинарной категоризации объекта в формате «свой / чужой» представления о границах Себя и Другого трансформируются, что приводит к расширению пределов допустимой нормализации и инклюзии в социальное пространство, которому надлежит стать гомогенным. Старообрядцы, которые для различных уровней власти находились в статусе, отличавшемся от статуса их православных соседей, таким образом, начинают мыслиться различными творителями дискурсов как часть национального русского пространства.

Понимание нормы и отклонения, Себя и Другого строилось в позднеимперской России по самым разным лекалам [Могильнер 2017: 321]. При общей гомогенизирующей интенции видение нормы различными участниками, создающими и раздающими эти лекала, могло быть полярно противоположным (но всегда категоричным): этнонационалистическим, социалистическим, либеральным и каким-то иным. Такие же различные лекала были уготованы для выкройки понятия девиации. В случае мултанского дела говорилось о пережитках, обусловленных (с точки зрения обвинителей) нахождением вотяков на более низкой (чем русские) ступени культурного развития. Бейлис (а вместе с ним и еврейский народ) был «виновен» в расово обусловленной неполноценности, обрекшей его на судьбу убийцы [Там же: 324]. В случае бегунов и красной смерти, которую они якобы практикуют, речь едва ли могла идти о заведомой ущербности обвиняемых. В конце концов, рисуя образ чудовищных сектантов-душителей, даже при всех параллелях с экзотическими ритуалами, журналисты говорили о русских, внешне

неотличимых от своих соседей. Отдельным из них в таком разрезе могут быть присущи девиации, но не культурные атавизмы или неполноценность. «Жуткие практики» (будь то красная смерть или вполне реальная практика тайного захоронения) бегунов часто даже в самых критических материалах становились чем-то потенциально излечимым. «Эх, горе-горе! Темнота бегунская! Когда пройдешь ты, когда развеешься?» — пишет об обычаях бегунов журналист либерального «Волжского вестника» в 1899 г. [ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 50. Л. 50б.]. Эти обычаи рисуются как «печальная язва», «отвратительная душевная болезнь» [Розов 1873: 295] (о точке зрения позднеимперских психиатров на сектанство как на душевную болезнь см.: [Могильнер 2008: 364]), а сами бегуны — как «заблудшие овцы» [Ивановский 1901: 100], продукт и жертвы «дикого, мрачного учения» [Пругавин 1885: 139]. Даже через явно скептическую оптику страннические девиации выглядят не статичными примордиальными пережитками, а динамичными преодолемыми качествами. Более того, стремительная национализация империи и ее реорганизация по границам этничности и «поперек» реально существующего многообразия запускают процессы широкой этнической мобилизации, приводящие к нормализации и включению в пространство большинства тех, кто еще вчера не мыслился его частью. Таким образом, представления о пространстве нормы, пространстве Себя все еще остаются гибкими, способными в случае необходимости или опасности для общества, нации или государства сделать возможным включение девиантного субъекта. Иначе говоря, речь идет об интеграции по признаку этнической принадлежности (конфессиональный фактор оказывается второстепенным) субъектов пространства широкого большинства. Обитатели такого пространства могут нести на себе печать «преодолимого отклонения» от некоей задаваемой современной гомогенной нормы, но, не являясь в полной мере Другим, они могут быть нормализованы и включены в большинство. Принадлежность же к области нормы приводит к изменению их качеств: русские Кабанкины могут быть бегунами, но не (ритуальными) убийцами.

Детективная история из Саратова, ставшая на несколько месяцев материалом для творческой таблоидной обработки, в реальности, конечно, не была связана с ритуальным убийством. Нет сомнений в том, что Кабанкины не убивали главу семейства (по крайней мере в ритуальных целях) и стали жертвами кампании, развивавшейся по шаблонам, сходным с делами мултанцев и Бейлиса, но не имевшей таких огласки и далекоидущих последствий. Однако стоит сказать, что, в отличие от вотяков и Бейлиса, в чьей невиновности сегодня

могут сомневаться только самые одиозные ксенофобы, странники вскоре оказались замешанными, по-видимому, в реальном ритуальном убийстве. Эпизод одного из крупнейших массовых убийств / самоубийств произошел в Кировской области в середине 1930-х гг., когда лидер местной общины истинно-православных христиан странствующих Христофор Иванович Зырянов способствовал уходу из жизни (в разной степени добровольному) около 60 человек, за что предстал перед советским судом [Комелина 2014] и был анафемствован собственными единоверцами [Мальцев 2000].

Благодарности

Автор выражает благодарность профессору НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) Жанне Владимировне Корминой за помощь и поддержку на всех этапах выполнения этой работы, профессору НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) Александру Михайловичу Семенову за важные критические комментарии, хранительнице архива Государственного музея истории религии Ирине Викторовне Островской за неоценимую помощь в поисках материала для этого текста, а также анонимным рецензентам, чьи ценные замечания и советы позволили точнее сформулировать многие мысли и тезисы, представленные в статье. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-59-22006.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГМИР — Государственный музей истории религии

ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук

ОРКиР НБ МГУ — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета

РГИА — Российский государственный исторический архив

Архивные материалы

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 510. О последователях раскольнической секты бегунов. 1897 г.

ГАРФ. Ф. 121. Оп. 51. Д. 814. Дело о религиозной секте «бегунов» и «странников» в Казанской губернии в 1912 г.

ГАРФ. Ф. А353. Оп. 7. Д. 9. Переписка с НКВД, губернскими прокурорами и исполнительными комитетами о допущении совершения религиозных обрядов и преподавании вероучения детям мусульман, о сектантах, о гербовом сборе с актов гражданского состояния и по другим вопросам. 1923–1924 гг.

ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 50. Бегуны. 1899–1912 гг.

ГМИР. Ф. 2. Оп. 26/106. Ед. хр. 59. Красносмертники. 1894–1912 гг.

ОР БАН. Каргопольское собрание. Ед. хр. 255. Объяснение кто такие странники. Начало XX в.

- ОРКиР НБ МГУ. Верхокамское собрание. Ед. хр. 1974. Краткий очерк истории церкви. 1920-е гг.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 112. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. О проявлении, распространении и учении секты «бегунов». 1911–1915 гг.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 188. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. О религиозных проявлениях сектантов (секты голубочников, бегунов, голубчиков, подпольников, иеговистов). 1909–1910 гг.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 592. Дело о составлении заключения Министерством юстиции по возбужденному в Министерстве внутренних дел олонекским губернатором вопросу о признании секты «странников» (иначе «бегунов» или «скрытников») особенно вредной в политическом и религиозном отношении и о разрешении преследовать членов секты в уголовном порядке. 1899–1908 гг.

Источники

- Аксаков И.С. Письма к родным, 1849–1856. М.: Наука, 1994. 653 с.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.: Тип. акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1901. Т. 31А (62). 503 с.
- Вл. Б. «Душила» у русских раскольников. (Этнологический вопрос) // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. С. 160–161.
- Зеленин Д.К. «Красная смерть» у русских старообрядцев // Этнографическое обозрение. 1904. № 3. С. 67–68.
- Ивановский Н.И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб.: Журн. «Миссионерское обозрение», 1901. 102 с.
- К секте душителей // Саратовский вестник. 1911, 20 нояб. № 256. С. 6.
- Липранди И.П. Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 77 с.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах: Роман: В 2 кн. / Вступ. ст. и примеч. В. Мещерякова. Минск: Мастац. літ., 1986. Кн. 1. 620 с.; Кн. 2. 556 с.
- Островский Д.В. Каргопольские «бегуны» (краткий исторический очерк). Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1900. 22 с.
- Пругавин А.С. Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе // Русская мысль. 1885. Кн. 1. С. 79–111; Кн. 2. С. 129–155.
- Розов А.И. Странники или бегуны в русском расколе. III. Организация секты // Вестник Европы. 1873. Т. 1. Кн. 1. С. 262–295.
- Субботин Н.И. Нечто о «странниках» по случаю присоединения к церкви одного из наставников секты. М.: Унив. тип., 1868. 32 с.
- Хроника // Екатеринбургская неделя. 1882, 28 июля. № 24. С. 449–450.
- Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. Т. 1. 806 с.
- von Haxthausen A. The Russian Empire, Its People, Institutions and Resources: In 2 vols. / Transl. from German by R. Farie. L.: Chapman and Hall, 1856. Vol. 1. 432 p.; Vol. 2. 182 p.

Библиография

- Васильева С.В.* Старообрядчество на окраинах России: вынужденная подвижность или миграционное перемещение // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 2. С. 11–17.
- Власова В.В.* Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. 170 с.
- Горизонтов Л.Е.* Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах 1997. М.: Индрик, 1998. С. 140–167.
- Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 410 с.
- Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: [В 2 т.]. М.: ДИ-ДИК; Квадрига, 2009. 688 с.
- Кабанов А.Е.* Старообрядцы владимирских и костромских земель. Иваново: ПресСто, 2010. 220 с.
- Комелина Н.Г.* Христофор Зырянов и его последователи в Вятском крае: из истории конфессиональных стереотипов // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб.: Пушкинский Дом; Изд-во РХГА, 2014. С. 147–177.
- Лебедева Г.Н.* М.Н. Катков о роли Русской православной церкви в национальном строительстве // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 136–145. doi: 10.24411/2588-0276-2019-10008.
- Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 266 с.
- Мальцев А.И.* Страннический наставник XX века Христофор Иванов и его учение // Ромодановская Е.К. (отв. ред.). Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: К 70-летию акад. Николая Николаевича Покровского. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 57–64.
- Могильнер М.Б.* Ното imperii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: НЛЮ, 2008. 505 с.
- Могильнер М.* Прирожденный преступник в империи: атавизм, пережитки, бессознательные инстинкты и судьбы российской имперской модерности / Пер. с англ. Нины Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 318–341.
- Панченко А.А.* Кровавая этнография: легенда о ритуальном убийстве и преследование религиозных меньшинств // Отечественные записки. 2014. № 1. С. 226–239.
- Прокуратова Е.В.* Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 528 с.
- Пятницкий И.К.* Секта странников и ее значение в расколе. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1906. 197 с.

- Романова Е.В.* Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 288 с.
- Усманова Д.* «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман»: языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 255–271.
- Фишман О.М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 407 с.
- Эткинд А.* Хлыст: секты, литература и революция. М.: НЛО, 1998. 688 с.
- Dundes A.* (ed.). *The Blood Libel Legend: A Casebook in Anti-Semitic Folklore*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1991. X+385 p.
- Dunn E.* A Slavophile Looks at the Raskol and the Sects // *The Slavonic and East European Review*. 1966. Vol. 44. No. 102. P. 167–179.
- Geraci R.* Ethnic Minorities, Anthropology, and Russian National Identity on Trial: The Multan Case, 1892–96 // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 530–554. doi: 10.1111/0036-0341.00140.
- Kivelson V.A., Suny R.G.* *Russia's Empires*. N.Y.: Oxford University Press, 2016. 448 p.
- Kumar K.* *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 600 p. doi: 10.2307/j.ctvc773dq.
- Miller A.* *Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2008. 250 p.
- Mogilner M.* Human Sacrifice in the Name of a Nation: The Religion of Common Blood // Avrutin E.M., Dekel-Chen J., Weinberg R. (eds.). *Ritual Murder in Russia, Eastern Europe, and Beyond: New Histories of an Old Accusation*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2017. P. 130–150. doi: 10.2307/j.ctt2005rwx.12.
- Örnebring H., Jönsson A.M.* Tabloid Journalism and the Public Sphere: A Historical Perspective on Tabloid Journalism // *Journalism Studies*. 2004. Vol. 5. No. 3. P. 283–295. doi: 10.1080/1461670042000246052.
- Paert I.* “Two or Twenty Million?»: The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia // *Ab Imperio*. 2006. No. 3. P. 75–98. doi: 10.1353/imp.2006.0091.
- Weinberg R.* *Blood Libel in Late Imperial Russia: The Ritual Murder Trial of Mendel Beilis*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2013. 200 p.
- Wortman R.S.* *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. XI+491 p. doi: 10.1515/9781400849697.
- Znamenski A.A.* The “Ethnic of Empire” on the Siberian Borderland: The Peculiar Case of the “Rock People”, 1791–1878 // Breyfogle N.B., Schrader A., Sunderland W. (eds.). *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 106–127.

“The Red Death” of Kabankin: The Wanderers and Russian Ritual Murder in Late Romanov’s Empire

Igor Kuziner

National Research University Higher School of Economics
4 Soyuza Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
ikuziner@hse.ru

In this article I review the corpus of newspaper materials related to the purported involvement a group of Saratov Old Believers in a ritual murder, which allegedly took place in late 1911. Taking into account the context of other high-profile cases of ritual murder of that time—“Multan’s case” and “Baelis’ case”—the paper considers the specifics of the charges against the ethnic majority to which the suspected ethnic Russian wanderers belonged. The analysis focuses on the discursive transformation of the majority / minority boundaries under the conditions of the nationalizing Russian Empire at the turn of 19th–20th centuries, reflected in the press materials devoted to a specific episode. The religious factor in determining the boundary as “the Self / the Other” turned out to be non-essential—compared to the ethnic factor—when it comes to the Saratov wanderers. Thus, we find evidence for a certain normalization of the wanderers, who begin to be thought of as Russians first—and sectarians second. Their ethnicity, according to the logic of some of the publicists who describe them, endows them with a certain set of qualities—among them the impossibility of committing ritual murder. Without questioning the homogenizing logic of the modern discourse about defining the boundaries of “the Self / the Other” and “norm-deviation”, the article argues that these boundaries, even in the conditions of a nationalizing empire, appeared to be flexible enough to carry out the inclusion of subjects that were outside the conventional norm, thus making the normative area a plastic and constantly changing space. The ambivalent position of the Old Believers (representatives of a dominant ethnic group and, at the same time, a religious minority) was reflected in the press reports on the Saratov incident, forcing journalists and readers to take a fresh look at the limits of majority and minority, and to redefine the place of religious outcasts in this system.

Keywords: ritual murder, religious minorities, Old Believers, wanderers, Russian Empire.

Acknowledgements

The author is grateful to Prof. Jeanne Kormina (NRU HSE, St Petersburg) for her help and support at all stages of this work, to Prof. Alexander Semyonov

(NRU HSE, St Petersburg) for important critical comments, as well as to the anonymous reviewers of the journal whose valuable comments and advice helped to better formulate many of the thoughts and points made in this article. This study also would not have been possible without the assistance of Irina Ostrovskaya, curator of the Archive at the State Museum of the History of Religion. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 19-59-22006.

References

- Dundes A. (ed.), *The Blood Libel Legend: A Casebook in Anti-Semitic Folklore*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1991, X+385 pp.
- Dunn E., 'A Slavophile Looks at the Raskol and the Sects', *The Slavonic and East European Review*, 1966, vol. 44, no. 102, pp. 167–179.
- Dutchak E. E., *Iz "Vavilona" v "Belovode": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodye": The Adaptive Capacity of Taiga Communities of the Wanderers (From the Second Half of 19th Century until the Beginning of 21st Century)]. Tomsk: Tomsk University Press, 2007, 410 pp. (In Russian).
- Etkind A., *Khlyst: sekty, literatura i revolyutsiya* [Khlyst: Sects, Literature and the Revolution]. Moscow: NLO, 1998, 688 pp. (In Russian).
- Fishman O. M., *Zhizn po vere: tikhvinskie karely-starobryadtsy* [Life in Accordance with the Faith: Karels — Old Believers of Tikhvin]. Moscow: Indrik, 2003, 407 pp. (In Russian).
- Geraci R., 'Ethnic Minorities, Anthropology, and Russian National Identity on Trial: The Multan Case, 1892–96', *The Russian Review*, 2000, vol. 59, no. 4, pp. 530–554. doi: 10.1111/0036-0341.00140.
- Gorizontov L. E., 'Raskolnichiy klin. Polskiy vopros i starobryadtsy v imperskoy strategii' [Schismatic Wedge. Polish Issue and Old Believers in Imperial Strategy], *Slavyanskiy almanakh 1997* [Slavic Almanac 1997]. Moscow: Indrik, 1998, pp. 140–167. (In Russian).
- Kabanov A. E., *Starobryadtsy vladimirskikh i kostromskikh zemel* [Old Believers of Vladimir and Kostroma Lands]. Ivanovo: PresSto, 2010, 220 pp. (In Russian).
- Kivelson V. A., Suny R. G., *Russia's Empires*. New York: Oxford University Press, 2016, 448 pp.
- Komelina N. G., 'Khristofor Zyryanov i ego nasledovateli v Vyatskom krae: iz istorii konfessionalnykh stereotipov' [Christopher Zyryanov and His Adherents in the Vyatka Region: From a History of Confessional Stereotypes], *Mezhnatsionnaya i mezhdynatsionnaya svyazi v russkoy literature i folklore* [Interethnic and Interfaith Ties in Russian Literature and Folklore]. St Petersburg: Pushkinskiy Dom; Russian Christian Academy for the Humanities Press, 2014, pp. 147–177. (In Russian).
- Kumar K., *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017, 600 pp. doi: 10.2307/j.ctvc773dq.
- Lebedeva G., 'M. N. Katkov o roli Russkoy pravoslavnoy tserkvi v natsie-stroitelstve' [M. N. Katkov about the Role of Russian Orthodox Church

- in the “Nation Building”], *Russko-Vizantiyskiy vestnik*, 2019, no. 1 (2), pp. 136–145. doi: 10.24411/2588-0276-2019-10008. (In Russian).
- Maltsev A. I., *Starovery-stranniki v XVIII — pervoy polovine XIX v.* [Wandering Old-Believers in 18th and the First Half of 19th Century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1996, 266 pp. (In Russian).
- Maltsev A. I., ‘Strannicheskiy nastavnik XX veka Khristofor Ivanov i ego uchenie’ [The Wanderers’ Preacher Christopher Ivanov and His Teaching], Romodanovskaya E. K. (ed.), *Problemy istorii, russkoy knizhnosti, kultury i obshchestvennogo soznaniya: K 70-letiyu akad. Nikolaya Nikolaevicha Pokrovskogo* [Issues of History, Russian Literacy, Culture and Public Consciousness: On the Occasion of the 70th Anniversary of Academician Nikolay Nikolaevich Pokrovsky]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2000, pp. 57–64. (In Russian).
- Miller A., *Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest; New York: Central European University Press, 2008, 250 pp.
- Mogilner M. B., *Homo imperii: istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia (The End of 19th Century — the Beginning of 20th Century)]. Moscow: NLO, 2008, 505 pp. (In Russian).
- Mogilner M., ‘Human Sacrifice in the Name of a Nation: The Religion of Common Blood’, Avrutin E. M., Dekel-Chen J., Weinberg R. (eds.), *Ritual Murder in Russia, Eastern Europe, and Beyond: New Histories of an Old Accusation*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2017, pp. 130–150. doi: 10.2307/j.ctt2005rwx.12.
- Mogilner M., ‘The Empire-Born Criminal: Atavism, Survivals, Irrational Instincts, and the Fate of Russian Imperial Modernity’, Nicolosi R., Hartmann A. (eds.), *Born to be Criminal: The Discourse on Criminality and the Practice of Punishment in Late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches*. Bielefeld: transcript Verlag, 2017, pp. 31–62. doi: 10.14361/978383839441596-003.
- Örnebring H., Jönsson A. M., ‘Tabloid Journalism and the Public Sphere: A Historical Perspective on Tabloid Journalism’, *Journalism Studies*, 2004, vol. 5, no. 3, pp. 283–295. doi: 10.1080/1461670042000246052.
- Paert I., ‘“Two or Twenty Million?”: The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia’, *Ab Imperio*, 2006, no. 3, pp. 75–98. doi: 10.1353/imp.2006.0091.
- Panchenko A. A., ‘Krovavaya etnografiya: legenda o ritualnom ubiystve i pre sledovanie religioznykh menshinstv’ [Bloody Ethnography: The Legend of Ritual Murder and Persecution of Religious Minorities], *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 1, pp. 226–239. (In Russian).
- Prokuratova E. V., *Staroobryadcheskaya kultura Komi kraya XVIII–XX vekov: knigopisnaya deyatelnost i literaturnoe tvorchestvo udorskikh staroverov* [Old Believer Culture of the Komi Region of the 18th–20th Centuries: Book Writing Activities and Literary Works of the Udorsk Old Believers]. St Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2010, 528 pp. (In Russian).
- Pyatnitskiy I. K., *Sekta strannikov i ee znachenie v raskole* [The Wanderers’ Sect and Its Place Within the Schism]. Sergiev Posad: Printing House of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1906, 197 pp. (In Russian).

- Romanova E. V., *Massovyе samosozhzheniya starobryadtsev v Rossii v XVII–XIX vekakh* [Mass Self-Immolations of Old Believers in Russia in the 17th–19th Centuries]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2012, 288 pp. (In Russian).
- Usmanova D., “‘Vaisovskiy Bozhiiy polk staroverov-musulman’: yazyki religioznogo, soslovnogo, politicheskogo i natsionalnogo protivostoyaniya v Rossiyskoy imperii’ [‘Vaisov God’s Regiment of Muslim Old Believers’: Languages of Confessional, Estate, Political, and National Resistance in Russian Empire], *Ab Imperio*, 2006, no. 3, pp. 255–271. (In Russian).
- Vasileva S., ‘Starobryadchestvo na okrainakh Rossii: vynuzhdennaya podvizhnost ili migratsionnoe peremeshchenie’ [Old Believers on Periphery of Russia: The Forced Mobility or Migratory Move], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*, 2014, no. 2, pp. 11–17. (In Russian).
- Vlasova V. V., *Starobryadcheskie grupy komi: konfessionalnye osobennosti sotsialnoy i obryadovoy zhizni* [Old Believer Groups of Komi: Confessional Specifics of Social and Ritual Life]. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS Press, 2010, 170 pp. (In Russian).
- Weinberg R., *Blood Libel in Late Imperial Russia: The Ritual Murder Trial of Mendel Beilis*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2013, 200 pp.
- Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006, XI+491 pp. doi: 10.1515/9781400849697.
- Zenkovskiy S. A., *Russkoe starobryadchestvo* [Russian Old Believers], [in 2 vols.]. Moscow: DI-DIK; Kvadriga, 2009, 688 pp. (In Russian).
- Znamenski A. A., ‘The “Ethic of Empire” on the Siberian Borderland: The Peculiar Case of the “Rock People”, 1791–1878’, Breyfogle N. B., Schrader A., Sunderland W. (eds.), *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. London; New York: Routledge, 2007, pp. 106–127.